

Протоиерей Дмитрий Сазонов

Кандидат богословия

Репрессии по отношению к духовенству в Костромской губернии в 1918-1919 годах. К вопросу об идеологических мифах

Идеологические мифологемы советского периода еще живы среди определенной части населения нашей страны. В представлении о советском периоде нашей истории на память приходят такие достижения как строительство Днепрогэса, Волго-Донского канала, Транссиба, Магнитки. В статье автор на примере народных волнений в Костромской губернии в 1918-1919 гг. показывает, что годы «красного террора» направленного против целых социальных групп населения, в том числе духовенства, провозглашенных большевиками «классовыми врагами», и обвиняемых в контрреволюционной деятельности, заложили основу для таких явлений как голод, нищета, появление в больших количествах сирот, беспризорников, необоснованные репрессии 20-30-х гг., «изъятие церковных ценностей», борьба с Церковью. Документально показано, что государственная политика большевистского правительства применялась в отношении духовенства как путём реализации законодательных актов, так и вне рамок какого-либо законодательства. Террор служил средством устрашения как антибольшевистских сил, так и не принимавшего участия в Гражданской войне населения. Поэтому, мнения о «строительстве общества социального равенства», «светлого будущего» являются идеологическим мифом, в основе которого лежала банальная борьба за удержание власти захватившей власть группы людей.

Ключевые слова: продрозверстка, духовенство, крестьянские восстания, карательный отряд, контрреволюция.

Недовольство захватом власти большевиками и проводимой ими политикой в Центральной России выразилась в таких крупных восстаниях против власти большевиков как Ярославский мятеж, вспыхнувший в ночь с 6-го на 7-е июля 1918 года, а также восстания в Костроме. Во главе восстаний стояли монархические и эсэрские организации.

Однако, в 1918-1919 гг. первоначально мирно принявшее смену власти крестьянское население Центральной России стало выражать свое недовольство властью большевиков. Начавшиеся с 1918 года «экономическая политика» партии большевиков - повторяющей практику революционеров, выражавшуюся в проведении «эксов», которая затем в отношении крестьянского населения России выразилась в продрозверстке - в почти

полном изъятии у крестьян хлеба (не только запасов, но и семенного фонда – прим. Д. С.), т.е., открытым грабежом крестьян, обложенных «контрибуцией». Мотивами крестьянских возмущений можно назвать, отчасти, и перегибы властей при проведении декрета об отделении Церкви от государства, которые привели в 1918-1919 гг. к вооруженным восстаниям, вспыхнувшим почти по всей Костромской губернии.

Наиболее остро ситуация складывалась: в марте 1918 г. – в г. Кологриве, в июне – в Уренском крае, в ноябре – в г. Солигаличе, в августе – в г. Варнавине, в 1919 г. – в Варнавинском и Ветлужском уездах. Из 11 уездов Костромской губернии восстаниями в 1918-1919 гг. были охвачены 8. Виновниками возмущений населения большевики считали «классовых врагов» - «буржуев, кулаков и

попов». С начала Октябрьского захвата власти большевики видели в «контрреволюционном духовенстве» внутреннего классового, идейного врага, с которым нужно расправиться для достижения окончательной победы над «старой Россией».

Французский мыслитель Ален Безансон определяя характер действий большевиков в первые годы их правления пишет о первом этапе удержания власти, связанном с уничтожением (или устрашением на первом этапе – прим. Д. С.) идеологических врагов: «В центре находится партия, а внутри партии – ее руководящий круг. В первый период правления он еще полностью находится во власти идеологии. Именно тогда он занимается ликвидацией «классовых врагов». Обладая совершенно отравленной совестью, он уничтожает во имя утопии целые категории людей»[5, с. 38].

В подтверждение этих слов приведем общеизвестную служебную записку В. И. Ленина В. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП (б) № 23-26 от 19 марта 1922 года, написанную в связи с шуйскими событиями, причиной которых явилось изъятие Советской властью церковных ценностей под предлогом помощи голодающим Поволжья: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»[2, с.140-141]. Нет смысла цитировать известное и находящееся в свободном доступе интернета письмо[35].

Важно вот что. Как видим из вышеприведенной мысли Ленина, главная цель в борьбе с врагом, в лице «реакционного духовенства» определена руководителем партии и государства довольно прагматично: для большевиков, забывших прежние лозунги: «Землю - крестьянам», «Долой войну!», и т.д., нужны были продовольствие, денежные средства и солдаты в армию. Меры были вызваны непосредственной необходимостью - во что бы то ни стало удержать власть. Попутной задачей, которая выдвигалась большевиками – необходимо было сломить сопротивление

крестьянства и мещанства уничтожив возможных лидеров и устрашить остальных. Костромской губернский комитет РКП (б), например, принял «Положения об отделе борьбы с контрреволюцией». Один из его пунктов гласил: «Для систематического наблюдения и планомерной борьбы отдел... делится на три отделения: 1. Армия; 2. Монархисты, духовенство и разные организации; 3. Политические партии, профессиональные союзы, национальные организации и домовые комитеты». Функции нового органа – ведение наблюдения за видными деятелями царского режима, за духовенством и всеми религиозными организациями и обществами в целях недопущения и предотвращения возможных выпадов с их стороны[14, с.3].

Необходимо было разбить врага в лице прежней элиты, в том числе духовенства. Террором посеять ужас, страх, поработить волю, сломить сопротивление народа, сломить его справедливое возмущение и желание протестовать против проводимой большевиками узурпации власти, и при этом стравить одну группу населения – крестьян и рабочих, с другой группой – прежней элитой общества, возложив ответственность за развал и голод на «сатрапов царизма и буржуев»[37].

Повод не только для террора, но и для ограбления «классовых врагов», по мысли Ленина, очень подходящий - голод - «теперь, и только теперь, когда в голодных местностях едят людей». «Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы» - делает он заключение[2, с.40-141].

Обратимся к официальным и открытым цифрам, которые помогут нам осознать как масштабы происходящих событий и их последствия. Постараемся, если не развенчать, то, во всяком случае, опровергнуть до сих пор живущие в определенных кругах нашего общества мифы об уничтожении духовенства в 1918-1919 гг. как участников сопротивления большевикам, и о голоде, как о последствии стихийного бедствия (неурожая). Развенчать миф о том, что попы препятствовали изъятию церковных ценностей, которые были

необходимы для закупки хлеба голодающим Поволжья.

Тема без сомнения не нова, однако как подчеркивал в своей работе «Большевики против Русской Церкви» С. Бычков «необходимо заново пересмотреть мифы, созданные партийной пропагандой. Это, быть может, наиболее трудная задача, поскольку в плоть и кровь как отечественных, так и зарубежных историков вошли такие мифологемы, как «социалистическая революция», «классовая борьба», «диктатура пролетариата», «военный коммунизм», «НЭП». Пропагандистская машина большевиков за 70-летний период достигла необычайных успехов, умело манипулируя этими мифологемами и внедряя их в сознание не только советских людей, но и зарубежных исследователей». Далее, в подтверждение своей мысли С. Бычков приводит цитату из дневника В. Вернадского, который утверждал, что основным критерием большевизма является порабощение личности[6, С.8]. И как следствие – принятие навязанной точки зрения, неспособность к выражению другого мнения.

Обратимся к результатам «государственного социального строительства» в 1918-1919 гг. По данным Википедии, человеческие потери в Гражданской войне – от 8 до 13 млн. человек, в том числе около 1 млн. бойцов Красной армии[34]. Как следствие Гражданской войны - по одним данным в 1921 году в России насчитывалось 4,5 млн. беспризорников, по другим — в 1922 году было 7 млн. беспризорников[24, с.134]. Голод в России 1921 г., если не считать военных потерь, был, по оценкам специалистов, крупнейшей для того времени катастрофой в европейской истории после средневековья. Как официально утверждали советские источники голод был вызван засухой 1921 года, и являлся последствием царской политики в отношении к крестьянству. Советское центральное статистическое управление определило дефицит населения за период с 1920 по 1922 гг. равным 5,1 млн. человек[34].

Вместе с тем, летом 1922 года Советская власть ошарашила весь мир, заявив о возобновлении экспорта зерна[36].

Как мы узнаем в той же Википедии, под призывом «помощи голодающим» всего годом ранее, было изъято церковных ценностей на два с половиной миллиарда золотых рублей. Из этих средств только примерно один миллион рублей было потрачено на закупку продовольствия для голодающих. Основная часть собранных средств пошла на «приближение мировой революции»[20, с.245].

Так определялась хозяйственное строительство большевиков.

Надо принять к сведению, что вообще, такие понятия как гуманность, наличие вины «классовых врагов», сострадание к голодающим, как мы видим теперь из открывшихся документов - таких мотивов для большевиков не существовало. Отметим, что террор, пренебрежение законами, даже самой властью установленными, неразборчивость в средствах, подавление инакомыслия всеми имеющимися способами - были для людей осуществивших захват власти вооруженным путем в 1917 году основными методами решения дел, особенно в вопросе удержания власти.

Основными мотивами недовольства крестьян политикой новой власти в 1918-1919 гг. были: реквизиция хлеба (декрет о хлебной монополии), реквизиция лошадей и скота для армии, а также мобилизация в армию³. Из других причин вызывавших волнения населения называются обложение чрезвычайным налогом и проведение декрета об отделении Церкви от государства. Как отмечалось руководством большевиков в Москве, главными упущениями в работе органов Советской власти в те годы были - «отсутствие партийной работы и неумение, часто преступные действия местных представителей советской власти (исполкомов и комбедов)»[12, с.1,1 об.].

На основании архивных документов рассмотрим, как и какими методами шло установление Советской власти в Костромской губернии, первоначально воспринявших смену власти спокойно. Для подавления крестьянских волнений, вызванных непосильными налогами и изъятием хлеба, повсеместно использовались карательные отряды (такое название дано отрядам в документах – Д. С.), которые пользовались едиными методами усмирения

восставших: объявляли объятые крестьянскими волнениями волости на «осадном положении», захватывали заложников, расстреливали их для устрашения населения[14, с. 66, 67]. Как наказание за волнения и неуплату продразверстки на деревни и волости накладывали контрибуцию[14, с. 38-50]. С целью подавления сопротивления сжигались деревни. Так, напр., были сожжены две деревни в Костромском уезде – Саметь и Никольское[14, 66-67]. Жителей из горящих деревень не выпускали[18].

Для изъятия у населения хлеба были созданы военно-оперативные штабы. Шла подлинная война против своего народа. О том, что правительство находится в состоянии прямой войны с крестьянством открыто заявлял, например, начальник интернационального отряда (в основном китайцы – прим. автора) Ярославского Губ ЧК А. Ф. Френкель, прибывший с отрядом для подавления восстания в с. Красное на Волге Костромского уезда[9, с.432]. Ему костромским губревсоветом был выдан мандат, в котором было указано: «брать заложников [...] заложников расстрелять и вообще восстановить там революционный порядок»[9, с.123].

Центральная Россия превратилась в оккупированную территорию и поле военных действий.

То, что такая практика продолжалась и была повсеместной и продолжалась всю Гражданскую войну, убедительно показывает документ - приказ № 116 от 23 июня 1921 года, подписанный председателем Полномочной комиссии А. Антоновым-Овсеенко и начальником войсками М. Тухачевским для принятия мер в связи с тамбовским восстанием. В нем отражено все - и осадное положение захваченной территории (подтверждаются приказы 130 и 171), и расстрел заложников - все это делается, чтобы «железной рукой обуздать местные враждебные классы»[29, с.180-181].

В результате действий Советской власти по изъятию хлеба у крестьянства – голод. Голод не тот (от якобы засухи – прим. автора), который начался в Поволжье не в 1921 -1922 гг., как об этом во всеулышание сообщалось властью, а тот, который был уже в 1918-м. О критической обстановке с

продовольствием в мае 1918 года сообщал в губисполком уполномоченный Цацулин, обследовавший Чухломский уезд: «все отруби и мякина съедены. Цена мякины доходит до 200 рублей за пуд. В городе хлеб пекут пополам с дурандой¹. Многие поля здесь остались незасеянными, т.к. нет семян, а два вагона овса, предназначенные для красноармейцев, выкупить было не на что». Далее он сообщал, что даже «у исполкома нет лошадей и в дальние деревни выехать невозможно»[8,15].

Цацулин свидетельствует, что у крестьян продразверсткой были изъятые не только хлеб, но и весь домашний скот.

Чтобы как-то успокоить население и сообщить в центр о нереальности налогового бремени, председатель Макарьевского совета 25 декабря 1918 года телеграфировал в ЧК о враждебном настроении уезда на почве непосильного налога в 19 млн. рублей, и бил тревогу: «уезд максимум может дать 8 млн. Меры приняты самые энергичные, но массы одичали. Прошу походатайствовать о сокращении налога в целях успокоения несознательных масс»[11, с.22]. С целью успокоения населения 25 декабря 1918 года губисполком во все уездные советы разослал телеграмму наркома финансов Н. Крестинского, в которой запрещалось применять расстрел как высшую меру взыскания налога и рекомендовалось, в случае намеренного сокрытия денег кулаками применять длительное заключение под стражу и принудительные работы, а при особой злостности – суд ревтрибунала [8, с.163]. Но, как мы увидим из дальнейших документов, его телеграмма не возымела силы на действия продотрядов.

Опять же, из документов мы узнаем о методах убеждения, которыми широко пользовались революционные отряды производившие изъятие хлеба. Например, при допросе арестованных, в д. Дьяково Макарьевского уезда, начальник карательного отряда Грибанин при разговоре с крестьянами - заложниками «все время держал на столе заряженный револьвер, который при малейшей заминке направлял на допрашиваемого, угрожая расстрелом на месте. В такой ситуации арестованные давали нужные Грибину показания [...] При этом не учитывались ни прежние

реквизиции, ни то обстоятельство, что значительная часть ржи уже высеяна»[14, с.206-215].

К конференции в Генуе (возврат долгов и предприятий прежним владельцам – прим. С. Д.), большевики подошли с четким пониманием утвердившейся власти и требованием международной помощи голодающим в Поволжье. Они пришли на конференцию в Генуе с тезисом, что – «советская власть всерьез и надолго». И Запад, как мы знаем, во многом согласился с предложениями сотрудничать с властью «рабочих и крестьян»[32].

Как мы видим из приведенных выше документов, причинами голода в Поволжье стала политика новой власти по отношению к своему народу. По этой тематике есть ряд исследовательских работ, к которым вряд ли что можно добавить[19, с.57-71].

Вместе с тем, хочется сказать несколько слов о судьбах духовенства, которое не было причастно ни к волнениям крестьян, ни к сопротивлению действиям Советской власти, и которое полностью разделило судьбу своего народа.

В те годы, духовенство попадало под расправы и репрессии в связи с враждебной классовой принадлежностью. В ночь 27 февраля 1918г. были зверски убиты священник с. Торино Кологривского уезда Костромской губернии Геннадий Ширяев, его жена и прислужница. Священник Николай Бартенев был предан суду Советом депутатов г. Буя той же губернии за чтение Патриаршего послания. 20 апреля 1918 г. в г. Костроме ночью был убит весьма уважаемый в городе протоиерей Алексей Васильевич Андроников, достигший преклонного возраста (87 лет). В августе 1918 г. Костромской губернский военно-революционный трибунал рассмотрел дело священника Успенского, обвиняемого в агитации против Советской власти². Сходное обвинение стало причиной ареста священников Татауровского и Сокольского сел Новографской волости Галичского уезда. Письменная и устная агитация – обвинение в контрреволюционной деятельности, которую им вменяли в вину, состояла в оглашении Патриарших посланий и постановлений высшей церковной власти.

Факты эти - лишь малая часть из жалоб, телеграмм, писем в Соборную комиссию по гонениям, куда обращались и клирики, и миряне, видя бездействие или даже сочувствие властей совершенным преступлениям[1, с.88-89].

29 марта 1918 г. за контрреволюционное направление был закрыт журнал «Костромской церковно-общественный вестник». Арестованы ВЧК: архиепископ Костромской и Галичский Серафим (Мещеряков), преподаватель духовной семинарии и редактор журнала П. Д. Иустинов, второй редактор священник Н. Бобровский. Верующие обратились к Святейшему Патриарху с просьбой ходатайствовать об освобождении их от ареста и передаче на поруки сослуживцам. Решение местных властей о высылке Иустинова и Бобровского повергло верующих в шок, из Костромы в Собор шли телеграммы с криками о помощи[7, с.45]. Всего в 1918–1920 гг. в стране были убиты 28 епископов, тысячи священников арестованы или убиты, 12 тыс. мирян заплатили жизнью за веру и защиту церковных интересов[22, с.54].

С красным террором вошла в практику внесудебная расправа с «классовыми врагами», т.е., со священниками расправлялись по факту их принадлежности к духовному сословию. 21 ноября в Верхне-Нейскую волость для подавления крестьянских волнений, вызванных продразверсткой прибыл карательный отряд и занялся ликвидацией восстания. Были расстреляны руководители восстания Кузнецов и Беляев, а также священник Пиняев, служивший молебн[14, с.71-78]. Следственная комиссия ревтрибунала, проанализировав здешние события, пришла к заключению, что справедливого отношения к восставшим и запутавшимся крестьянам не было. В докладе комиссии отмечается, что со стороны карательного отряда «наказание часто превращалось в настоящее глумление и издевательство над всем населением с применением самых жестоких приёмов чисто Николаевско-полицейского режима, не укреплявших, но совершенно дискредитировавших советскую власть в глазах населения»[14, 66-67].

Вина этих людей была лишь в том, что они пытались остановить безумие людей, забывших свои христианские ценности. Святейший Патриарх Тихон в Слове, сказанном в Храме Христа Спасителя перед началом новогоднего молебна 01.01. 1918 г. обращался к русскому народу «И вся эта разруха и недостатки оттого, что без Бога строится ныне Русское Государство [...] Забыли мы Господа! Бросились за новым счастьем, стали бегать за обманчивыми тенями, прильнули к земле, хлебу, к деньгам, упились вином свободы»[1, с.77].

В начале 1918 года обстановка как в целом по стране, так и в Костромской губернии значительно обострилась. В феврале вспыхнул мятеж в Солигаличе, во время которого был убит председатель совета В. А. Вылузгин. Прибывший из Каргополя карательный отряд расстрелял в Солигаличе 21-го человека из числа «классовых врагов» – бывшей элиты города: офицеров, представителей интеллигенции, духовенства. Были расстреляны причисленные к лику святых «солигаличские новомученики»: протоиерей Иосиф Смирнов, иерей Владимир Ильинский, диакон Иоанн Касторский и Иоанн Перебаскин. Поводом к народному возмущению, названного «мятежом», послужило назначенное на 13 (26) февраля Вылузгиным «реквизиция хлебных излишков» в Богородице-Феодоровском монастыре близ Солигалича. Мирные выступления жителей Солигалича, вставших на защиту своих святынь, были подавлены прибывшим карательным отрядом[4, с.48-49].

И хотя солигаличский расстрел получил широкую огласку, даже было принято решение «приостановить расстрел» врагов до выяснения обстоятельств, желая успокоить людей даже большевик П. А. Бляхин на митинге в губернском центре заявил, что «социализм не может опираться на насилие, штыки, смертную казнь и самосуд»[17]. Однако, расследование этого вопиющего беззакония замяли, виновные в расстреле безвинных людей ставших жертвами произвола «строителей счастья» наказаны не были[8, с.1].

12 апреля (по ст.ст.) 1918 г. управляющий Костромской епархией архиепископ Евдоким (Мещерский) доложил

Священному Синоду и Поместному Собору Православной Российской Церкви об обстоятельствах гибели священнослужителей и мирян Солигалича. На заупокойной литургии, совершенной св. Святейшим Патриархом Тихоном в храме Московской духовной семинарии 31 марта 1918 г. (1-й службе, посвященной новомученикам), были помянуты Солигаличские новомученики[15, с.307], которые были причислены к лику святых на Юбилейном Архиерейском соборе 2000 году[4, с.65]. Память их совершается в день казни – 7 марта по н. стилю.

Солигаличский расстрел не был трагическим исключением. Беззаконие, уничижительное отношение к человеческой личности и жизни превратилось в практику. С середины июля 1919 года происходили антибольшевистские волнения в с. Красном на Волге. При подавлении восстания было убито 400 человек, наложена контрибуция в 500 тыс. рублей, сожжены три деревни: Даниловское, Ивановское, Конищеёво[3, с.56]. 14 июля 1919 года среди расстрелянных прилюдно 53-х заложников были убиты два священнослужителя: настоятель Богоявленской церкви А. М. Горицкий и диакон Б. А. Чижов[10, с.83-84]. По воспоминаниям свидетельницы беззакония Смирновой М. И. – «тех заложников, за кого был заплачен выкуп, выпускали»[27].

Святой Святейший Патриарх Тихон молясь за мучеников Церкви утешал пастырей: «Много скорбей и страданий послал Господь на землю нашу, любовь наказуя нас и призывая к покаянию. Тяжко особенно духовенству нашему, близкому к народу, любящему его и терзающемуся за него, а часто и терпящему от него незаслуженные обиды и гонения. Но и прежде были среди нас исповедники и мученики, переносившие страдания за служение Христу и за обличение сильных беззаконников. Этот славный сонм мучеников и исповедников возглавил Сам Божественный Страдалец, Господь наш Иисус Христос, предрекший и нам. Пастырям, страдания и гонения от людей, по Его примеру: если Меня гнали, будут гнать и вас, и: если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел (Ин. 15: 20, 18)[1, с.88].

Поводом к возникновению крестьянских волнений был и декрет об отделении Церкви от государства, который понимался крестьянами как объявление Церкви и религии вне закона, школы от Церкви – как появление безнравственности. Из содержания Декрета следовало закрытие монастырей «и изъятие церковного имущества и недвижимости»[15, с.1]. В ноябре вспыхнуло восстание на севере губернии – в Великовской волости Солигаличского уезда. Причинами были: проведение декрета об отделении Церкви от государства и мобилизация в армию. Карательные отряд, прибывший в волостной центр – с. Великово в ночь с 16 на 17 ноября из Солигалича объявил волость на осадном положении, окружил здание совета и церковь, где находились возбужденные люди. По секретному списку, составленному заранее, было арестовано 23 человека, в том числе священник, дьякон и псаломщик церкви. На волостном сходе представитель ЧК Макшанчик зачитал инструкцию об отделении Церкви от государства, после чего «она была принята единогласно путем поднятия рук всей волостью»[14, с.66,67]. На почве проведения декрета «Об отделении церкви от государства» произошло волнение крестьян в Спасской волости этого же уезда. Во время богослужений представитель волостного совета вошел в церковь и, прервав службу, стал разъяснять верующим сущность декрета, что и спровоцировало возмущение крестьян». Правда, все закончилось довольно мирно. Дело было прекращено губернским трибуналом квалифицировавшим действия представителя совета как нетактичные, оскорбительные для чувств верующих[3, с.38]. В течение 1918 г. дело отделения Церкви от государства в Верхнем Поволжье продвигалось весьма медленно. Для ускорения проведения декрета, 22 декабря 1918 г. Ярославский губернский исполнительный комитет (ГИК) поручил губотделу юстиции «провести в срочном порядке декрет об отделении церкви от государства и создать ликвидационную комиссию»[16, с.1а]. Наглядным результатом своей деятельности отдел называл продвижение пролетариата и крестьянства по пути усвоения правильного миропонимания

и оценки советского строительства и изживания «главнейших рабских предрассудков»[23, с.66-80]. Так на законных основаниях проходила национализация церковного имущества. Опровергая аргумент о сопротивлении «классовых врагов» Советской власти проводимому государственному строительству (как видим крестьянские возмущения во многом были спровоцированы самими властями – прим. Д. С.) зададимся вопросом: Действительно ли духовенство давало повод обвинить его в сопротивлении власти как об этом показывают действия большевиков? Исследуя документы тех лет, мы приходим к выводу - нет. Вот пример: в феврале 1918 года в газету «Утро России» из города поступило сообщение о многочисленном собрании мирян, выступавших с критикой декрета об отделении Церкви от государства. В нескольких церквях – Покровской, Богословской, Космо-Дамиановской, Борисоглебской и Спасо-Преображенской – имели место печальные недоразумения, закончившиеся без особых последствий для рискнувших выступать и изгнанных из храмов большевиков. Священнослужители «вступались за них (большевиков – прим. Д. С.), старались успокоить массу, дабы не превратить храм в арену кровавой расправы»[26, с.37]. Не соответствуют действительности и мифы о вооруженном сопротивлении власти, которые кстати потом, в конце 20-нач. 30-х будут квалифицированы как принадлежность к террористическим организациям. В 1918-1919 гг. не согласные с декретом верующие выступать с оружием против Советской власти не хотели. Они заявляли о готовности идти безоружными против пулеметов. Совершенно согласна с оценкой нейтральной позиции духовенства костромской исследователь государственно-церковных отношений Н. С. Майорова, которая в своей диссертационной работе, посвященной государственно-церковным отношениям в 1917-1920 гг. пишет: «Анτισоветская агитация духовенства на религиозной почве и против декрета нередко имела место, но священники занимали нейтральную позицию и с призывами к свержению безбожного правительства не выступали»[21, с.82].

К лету 1919 г. в отчетах председателей губернских подотделов и комиссий по отделению церкви от государства Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний отмечалось отсутствие контрреволюционной деятельности духовенства. В сводке губчека о положении в Иваново-Вознесенской губернии в августе 1919 г. зафиксировано: «...духовенство держится своей общепринятой тактики и сидит по своим норам, как “гады” и нести какую-либо антисоветскую агитацию не решается»[13, с.47].

Подтверждая позицию невмешательства духовенства в политику вчитаемся в слова Послания Святейшего Патриарха Тихона от 08(21).07.1919 г., который обращаясь к чадам Православной Российской Церкви призывал духовенство дистанцироваться от политических амбиций: «Нет, пусть лучше нам наносят кровоточащие раны, чем нам обратиться к мщению, тем более погромному, против наших врагов или тех, кто кажется нам источником наших бед. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению. Не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром (Рим. 12:21)[1, с.161]. В Послании от 25.09.(08.10). 1919 г. призывая православный клир и мирян не вмешаться в политическую борьбу Святейший пишет: «Мы служители и глашатаи Христовой Истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению советского строя. Но Мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа»[1, 163].

Пастыри Церкви, в частности, священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) видели в происходящих событиях и большую долю вины самого духовенства: «Русским народом совершен грех перед Церковью [...] и вина в этом лежит главным образом на духовенстве. Задача состоит в необходимости более глубокого воспитания народа, чтобы членами Церкви были истинные христиане [...] что и означает противопоставление царству злобы»[31, с.488].

Тезис о вине духовенства в сопротивлении Советской власти при рассмотрении документов и выводов серьезных исследователей явно не выдерживает критики. Приведем мнение о поднятых в статье проблемах и озвучим позицию С. Бычкова, который исследуя период 1918-1919 гг. пишет: «Русскую Церковь, лишь в феврале 1917 года освободившуюся от пут государства и деятельно реформирующую собственную жизнь большевики попросту приняли уничтожить. Они не скрывали своих задач, которые по существу были демоническими и богоборческими. Поначалу им казалось, что можно наскоком уничтожить Русскую Церковь, искоренив в душах людей упоминание о Боге». Далее автор делает вывод: раз уничтожить не удастся, значит надо подчинить Церковь, сделать ее ведомством государства, благо опыт осуществленный императором Петром I имелся. Далее, Бычков подтверждает свое мнение, цитирует письмо начальника Секретного отдела ВЧК Тимофея Самсонова Ф. Держинскому, который делает вывод: религию не может разрушить никакой другой аппарат кроме ВЧК. ВЧК озаботилась планами по разрушению Церкви руками самих священнослужителей: «через нее мы сможем, путем долгой, напряженной и кропотливой работы, разрушить и разложить церковь до конца»[6, с.294-296].

Однако, опровергая идеологически штампы советского прошлого о том, что гонения на Церковь были следствием служения его самодержавию, «контрреволюционным действиям» духовенства, «прислужников прежнего режима», сопротивлявшимся строительству коммунизма, и поэтому, якобы принявших в первые годы советской власти справедливые страдания[30, с.4], скажем - гонения на Церковь были фактом непримиримости учения Церкви и большевистской утопии. О чем, в своем послании ясно разъяснили соловецкие страдальцы[25, с.417-428].

Однако, не смотря ни на какие усилия, планам большевиков не суждено было сбыться. «Врата адовы не одолеют Церкви» - обещал Господь Своим ученикам (Мф. 16:19). Сами гонители свидетельствовали о тщетности своих усилий в уничтожении Церкви – в 1928 году Сталин в беседе с

делегацией американских рабочих заявил, что партия не может быть нейтральной в отношении «реакционного духовенства», стоящего за спиной кулака. «Подавили ли мы реакционное духовенство? – прозвучал беседе риторический вопрос Сталина – Да, подавили, Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано»[28, с.133]. Действительно, озвучим неоспоримый факт - советской власти удалось уничтожить все дореволюционные сословия, кроме Церкви, которая выстояла в горниле испытаний, и не только выстояла, но и в начале 90-х годов XX века молитвами новомучеников и исповедников обрела свободу, всходы которой несомненно принесут еще добрые плоды духа.

Подводя итог вышесказанному, статью хочется завершить словами Святейшего Патриарха Тихона: «Верим, что как быстро и детски доверчиво было падение народа русского, развращаемого много лет несвойственной нашей христианской стране жизнью и учениями, так же пламенно и чисто будет раскаяние его, и никто не будет так любезен сердцу народному, как пастырь родной его Матери Церкви, вызволивший его из египетского зла»[1, 89].

Примечания:

1. Дуранда - иначе жмых, избоина, колоб конопляные выжимки, употребляемые как отличное кормовое средство для скота (см. Маслобойное производство); также для прикорма рыбы, так и для насадки на крючки при ужении ... *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А.*
2. В материалах следственного дела указывается вина – чтение Патриаршего послания от 19 января (1 февраля) 1918 г. «Об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной».
3. Костромская губерния была обложена налогом в 160 млн. руб. Примерно такая же сумма была обозначена и для других губерний Центральной России. ГАКО. Р1296. Оп. 2. Д. 154. Л. 1-4.

Библиографический список:

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти

- 1917-1943. Сборник в двух частях./ Сост. М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт. 1994. С.88-89.
2. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн.1. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. – М. – Новосибирск, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), «Сибирский хронограф», 1997, С.140-141.
3. Архив УФСБ по Костромской области. Д. 2413с, Л, 56 об.
4. Архиепископ Костромской и Галичский Александр. Священномученик протоиерей Иосиф Смирнов (1864-1918). Кострома, 2003. С.
5. *Безансон А.* Бедствие века. М., 2000.
6. *Бычков С.* Большевики против Русской церкви. Т.2. М., 2006, С.8.
7. *Головкин А., Попов М.* Рясники и сектанты Ивановской обалсти: Церковь в годы реакции и революции. Иваново, 1930. – С.45.
8. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Р-6. Оп.3. Д. 25.
9. ГАКО. Р. 114. Оп.1с. Д.4. Л.123.
10. ГАКО. Ф.234. Оп. 4. Д. 65.
11. ГАКО. Р1269. Оп.2. Д,18. Л.22.
12. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). ГАНИКО. Ф. 1. Оп.1. Д,124. Л. 1, 1 об.
13. ГАНИКО. Ф. 2. Оп.2. Д.21. Л.47.
14. ГАНИКО. Ф.383. Оп.2. Д,31. Л,38-50.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.3431. Оп.1. Д. 563. Л.307.
16. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-1947. Оп.1. Д,11. Л.1а.
17. *Зонтиков Н. А.* «Пальнем-ка пулей в Святую Русь...» К 80-летию солигаличской трагедии.// Северная правда 06.03.1998.
18. «Красный мир» 1919 г. 18 июля.
19. *Латышева М. А.* Красносельское восстание: мифы и факты//Красносельская старина.издание Красносельского РК РСМ. Красное-на – Волге. 1994 г. № 1. С. 57-71.
20. *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. — 1-е. — Москва: [Март](#), 1996.

21. *Майорова Н. С.* Государственно-церковные отношения в 1917-1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Кострома: КГУ им. Н. А Некрасова, 2006. С. 82.
22. *Поспеловский Д.* Русская Православная церковь в XX веке. _ М.: Республика, 1995 – С.54.
23. Революция и Церковь. – 1922.№1-3. С.66-80.
24. *Рожков А. Ю.* Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории, 2000. — № 11. — С. 134.
25. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 197-1945. Кн.15. М.: Крутицкое Патриаршее подворье. 1996. С. 417-428.
26. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1017-11941: док. И фотоматериалы. – М.: ББИ, 1996 – С.37.
27. Семейный архив Медведевых, воспоминания, 2012 год.
28. Сталин И. В. собрание сочинений. Т10. С.133.
29. *Суворов В.* Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию?/ - М.: ООО «Издательство АСТ». 2003.
30. *Фирсов С.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. Спб.: Сатис- Держава. 2007.
31. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ) . Дело по обвинению митрополита Кирилла Смирнова. Л, 4ВВ.
32. https://ru.wikipedia.org/wiki/Генуэзская_конференция. Дата обращения 23.03.2017 г.
33. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Голод_в_Поволжье_\(1921—1922\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Голод_в_Поволжье_(1921—1922)). Дата обращения 22 марта 2013 года.
34. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданская_война_в_России. Дата обращения 22 марта 2013 года.
35. <http://www.liveinternet.ru>. Дата обращения 24.03.2017 года.
36. <http://yu-dzin.livejournal.com>. Голод в Поволжье. – Дата обращения 22.03.2017 г.
37. <http://h.ua/story/426965/> Дата обращения 26.03.2017 г.